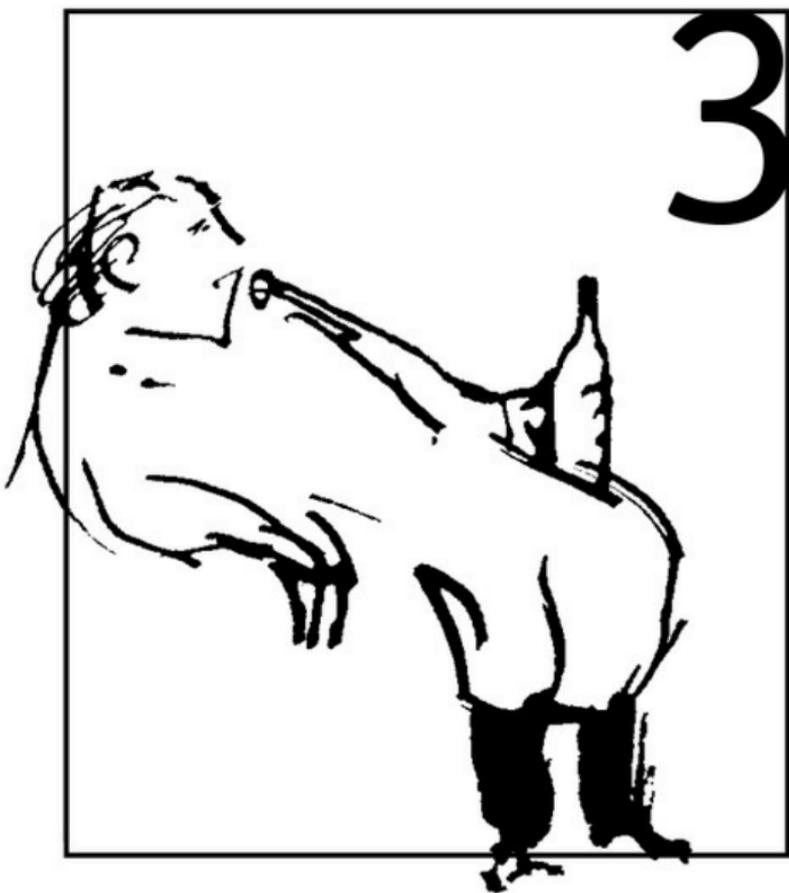

Михаил Жванецкий

Собрание произведений в пяти
томах

Том 3

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Восьмидесятые

...Вернулся в Одессу; и со мной вернулись Роман Карцев и Виктор Ильченко. Если кто-нибудь не понял эту фразу, я повторю: со мной вернулись в Одессу Роман Карцев и Виктор Ильченко, хотя их никто не увольнял. В Одессе мы создали Театр миниатюр. Там грянула холера. Город был оцеплен карантином, репертуарная комиссия из Киева не смогла прилететь, и мы стали лауреатами Всесоюзного конкурса артистов эстрады. В те годы всюду к сатире относились подозрительно, а в Киеве в ней видели источник всех бед и неурожаев, и мы бежали путем конкурса в Московский театр миниатюр. А мне помог комсомол, космонавты, все, кому я читал, кого веселил, кто открыто меня не поддерживал, но в душе присоединялся...

Почему мне так часто кажется

Почему мне так часто кажется, что они ошиблись. Они выдали паспорт не тому человеку. Просто не может быть... Сорок лет, и зовут Миша... И внешность — это все не мое. Должен быть где-то такой человек, которому это все предназначалось. Мне сейчас по моим расчетам что-то около двадцати восьми. Брюнетик. Среднего роста. Худенький. Глаза на все лицо. Довольно мускулистенький. Быстрый. Безо всякого морского прошлого. Я что-то закончил юридическое или географическое. Я более злой. Более четок и пунктуален. Обязателен более... Подвижен... Зовут не Миша, а Юра меня.

Я не пишу эту всякую чушь, я что-то читаю... И хожу окруженный студентами, хотя для двадцати восьми это и рановато, но я, вероятно, очень способный.

И все-таки главное — это другая внешность, и возраст, и имя. А если это все мое, то я занимаюсь не своим делом и мне еще предстоит поискать, хотя возраст для поисков неподходящий. Если я действительно не своих лет, почему мне так трудно с молодыми? Почему я облегченно вздыхаю, увидев обрюзгшую лысую физиономию с яркими признаками перепоя или пародонтозно-склеротической тоски, с шумами в сердце и свистом в легких. Куда я к этой развалине такой молодой и кудрявый? А эта развалина ко мне? И нас не оторвать. То ли он сейчас приступает к лечению того, от чего я вылечился. То ли я заболеваю тем, что у него уже было.

Если я молодой и сильный и меня зовут не Миша, почему от меня шарахается молодежь и весь дамский танец я непринужденно разговариваю, чтобы не замечать, как меня не приглашают?

Почему же я, такой молодой, не присоединюсь к этим троиц с гитарой, а пробегаю, озабоченно хмурясь? И с маленьким котенком, забежавшим согреться, мне скучно через сорок пять минут. И если я такой молодой и красивый, почему задыхаюсь и вместо лыж опять сижу дома, и копаюсь, и вспоминаю?.. И работу, и знакомых, и людей, людей, людей...

Откуда же у меня так много людей, если мне так мало?

И почему мама так постарела, Господи?..

И почему отец уже умер, и отчим?.. И даже... И даже... мои одноклассники.

Нет. Очевидно, они не ошиблись, выдавая мне паспорт.

Да. Я примерно тот, что там указан...

Может быть, кроме внешности, имени и немножко все-таки возраста.

Да, бог с вами, я довоенный... Но у меня есть своя радость.

Встретить другого такого престарелого сорванца, который думает, что они ошиблись. И объяснить с полным знанием дела, что такие ошибки бывают.

Я просто знаю одного такого, ошибочного.

Как я пишу?

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал в техникуме. Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог. Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много записок и писем приходит. Я думаю, что, перестань писать, — много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит: «И где это вы темы берете?»

Как будто он ходит в другую поликлинику.

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Я думаю потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит. Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу. Это Ленинград. Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта. До Москвы тоже час. Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце. Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там. Чужой юмор не понимаю: в компанию лучше не приглашать... Ну, там, лысый, длинноносый. Тем, кто не видел, лучше не видеть. Тем, кто один раз видел, тоже не стоит повторяться. К женщинам интерес потерял ввиду большой сложности подходов на улице и отсутствия приходов ко мне.

Профессия так называемого сатирика наложила глубокий отпечаток на поведение. Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь. Одет в серое, так что хожу вдоль стен. Куда-то тороплюсь, хотя на сером сверху не виден. Начитан слабо. На вечеринках молчу, дабы было что печатать. Дома ничего не делаю — отсюда прозвище Квартирант. Давно не танцевал, особенно — темпераментно, яро, с мычанием и подкатами. Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим, хотя я к ним перебежал раза три, но всегда возвращался ввиду слабости здоровья.

Пишу коротко. Во-первых, все это можно сказать в двух словах. А во-вторых... Это для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

Жлобство — это не хамство

Жлобство — это не хамство, это то, что образуется от соединения хамства и невежества с трусостью и нахальством.

Жлобство, простите, так присущее многим из некоторых, которых мы часто встречаем порой и страдаем от этого.

От голода голодаем, от болезни бодем, от холода мерзнем, от жлобства страдаем.

Если, конечно, вам не повезло и вы тихий, вежливый, исчезающий от прозвищ и частых упоминаний матери...

Поздравим себя — все меньше удовольствия хаму, все уже поле его деятельности.

Наша берет.

В чем был его кайф?

Изрыгнуть внезапно, чтоб у всех отвисла челюсть и попадали руки.

Чтоб посинели лица в безумных поисках ответа.

Было такое.

В пору пребывания в толпе мягких, воспитанных дам-с, юристов-с.

Но, слава богу, эти времена прошли.

Теперь хам получает повсеместный ежедневный отпор.

Бледнеть некому-с.

Хрупкая скрипачка в автобусе оборачивается и врезает между ртом и глазом матросу-сантехнику так, что тот на глазах корежится, жухнет, пускает жуткий синий дым и сваливается в сугроб.

Две нежные школьницы самого субтильного возраста и вида так шарахнули матом в ответ на короткое слово дремучего алкоголика, сопровождающее предложение отойти, что, не дослушав полностью ответ девочек и получив портфелем с коньками по голове, мужчина сошел через закрытую дверь.

Поздравим себя — публика перестала распадаться на выступающих и слушателей. Едины все участники дорожного движения.

Наличие в руках фагота или Ромена Роллана не дает хаму возможность надеяться, что перед ним интеллигентный человек.

Усиленные занятия карате и знание мата без словаря приближает час всеобщего трамвайного равенства.

Нерадивость породила дефицит, дефицит — воровство, воровство — хамство, хамство — нерадивость, которая

породила дефицит. Отсюда и выход из замкнутого круга, который должен быть, но его надо искать.

А пока в преддверии исчезновения хама как отдельной личности его успешно заменяет отдельный коллектив.

Трудности кино

Очень большие трудности у киношников. Самые большие, жуткие трудности у киношников. Прямо не знаешь. Требования к достоверности возросли, а танков старых нет, маузеров мало. Фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получаются ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет. Если герой просто сидит — еще ничего, а как рот откроет — так пока не идет. Или там собственное достоинство, вот эта неприкасаемость личности...

Чувствуется, что ему рассказывали. Может, требовали, ругали, зарплаты лишали, по больничному не платили. Ну чтобы сыграл он чувство этого достоинства. И видимо, хочет: и голову поднимает, и на цыпочки, и выпивает, чтоб укрепиться, но еще не знает как.

Женская гордость — так, чтоб без мата, изнутри... Ну, еще когда лежит, укрывшись простыней, диктор говорит: «Гордая очень». А когда откроется, так еще пока не доносит — вздрагивает, косится, и это еще чувствуется.

Граф английский — тоже неловко, боком, все боится войти к себе в замок. Ну если пиджак от шеи на четверть отстает и шейка, как пестик в колоколе, как же ты аристократизм покажешь, если штаны и пиджак надо непрерывно поддерживать?! Или руку королеве целовать, или панталоны держать. И руку пока еще надо у нее искать: она тоже пожать норовит.

Еда не дается пока. Вот не само глотание, а еда как трапеза. Старух на консилиум приглашали, но и они подрастеряли искусство еды: тоже норовят целиком заглотнуть и еще — в сумку. А это реквизит.

И старики подзабыли ходьбу такую, чтоб пиджак не двигался отдельно от хозяина. Или — весь гитлеровский штаб в мундирах не по размеру, а диктор говорит, что вся Европа на них работает. Но это все внешне, конечно, и раздражает какого-то одного, кто остался в живых и еще помнит.

Внутренне плохо идут споры, даже литературные. Все как-то придерживаются одного мнения и, ради бога, не хотят другого, ради бога.

Пока еще смешно выглядит преданность одного мужчины одной женщине, пока смешно выглядит. И вообще, обращение с женщиной, все эти поклоны, вставания,

уважение, преклонение... Их делают, конечно, но за очень дополнительные деньги. Консультант один, лет восьмидесяти двух, тоже уже заматался: Душанбе, Киев, Фрунзе, Ташкент... «Извольте, позвольте», «Только после вас», «Я был бы последним подонком, мадам, если бы оставил вас в соответствующем положении».

Не идет фраза: «Позвольте, я возьму на себя» или: «Вам ведь трудно, разрешите я...» А уж фраза: «Я вами руководил, я отвечаю за все» — прямо колом в горле стоит. А такая: «Мне не дорого мое место, дорого наше дело» — получается только по частям.

Сложно пока стало играть эрудированного, мыслящего человека, и хоть исполнитель морщит лоб и прищуривается, такой перекося лица еще не убеждает.

Сохранились костюмы и обувь, но, когда мы над старинной дворянской одеждой видим лицо и всю голову буфетчицы современного зенитного училища, что-то мешает нам поверить в ее латынь.

Группа американских ковбоев на лошадях пока еще криво скачет, и даже у лошадей наши морды.

Ну а там — баночное пиво, омары, крики «Я разорен!» или «Мне в Париж по делу!» хоть и русским языком, но ни исполнитель, ни аудитория этого языка пока не понимают.

Но с уходом стариков со сцены и из зала равновесие между экраном и зрителем постепенно восстанавливается.

Писательское счастье

Что такое писательский ум? Не договаривать половину фразы.

Что такое писательское счастье? Немножко написать и жить, жить, жить.

Что такое писательский ребенок? Тот, кто о любви к себе узнает из произведений отца.

Что такое писательская жена? Женщина, которая сидит дома и с отвращением видит в муже человека.

Что такое писательская квартира? Место, где у него нет угла.

Что такое писатель в семье? Квартирант под девизом: «Ты все равно целый день сидишь, постирал бы чего-нибудь».

Что такое писательская жизнь? Ни одной мысли вслух.

Что такое писательская смерть? Выход в свет.

Он не знал

Он ничего не знал.

Он не знал, что такое плохо. Не знал, что такое хорошо. Он что-то помнил.

А отец и мать уже умерли... Ему не повторяли.

Ему не повторяли, что нельзя чужое называть своим.

Не знал, кто у него был в роду. Совершенно не знал истории своей и своих.

Гордился чем-то. Не знал чем.

Ибо то, чем гордился, нельзя было показать.

Ничего не мог спеть. Не знал слов.

Хлопал, когда все хлопали.

Чувствовал, что нравится.

Не мог объяснить.

Не мог объяснить, так как никто не спрашивал.

Не то что поступить, а рассказать, что такое честно, не мог и не знал, что есть нечестно.

Что есть нечестно?

А что есть честно?

Нельзя лишь то, за что сажают.

Но сажают не каждый день и не каждого.

Бывает, долго не сажают, — значит, можно.

Ну что же бабушка?

Ну что же бабушка?

Кто же ей поверит?

Плохо, мол.

Что ж плохо-то?

Сама-то еле дышит, еле ходит.

В церковку послушать ложь.

Что в церкви ложь и Бога нет, знал, а что такое правда, не знал.

То вроде все правда. А то вроде вранье.

А может, правда все, чего не видел сам.

То, что видел, не сходилось с тем, что слышал.

Ну, значит, правда всюду, а здесь вот как-то местно...

Может...

Не знал.

Неясная ворочалась злоба на то, что местно.

Лично.

Не сходилось.

Ну, сорвал злобу на ком-то. Не знал стихов, книжек. Так — кое-что из песен, из передач.

Вся эрудиция — из «Мира животных» и «Клуба путешественников».

Не знал родного языка, слово «нежный» не произнес ни разу в жизни.

Что — воровство?

Ну да, ну догадывался, что влезть в чужой дом, со звоном сломав...

Но тоже конкретно не предупреждали. Просто догадывался, что посадят, побьют. Сам бы побил. Но со склада? С работы? Как не понести?

Дружба?

Да.

Дружба

Заменяет все.

Ты меня уважаешь? Горячие руки.

Колючие, вонючие поцелуи.

Пять — десять — сто — тысячу раз предавали, подвергшись незначительному давлению, подчиняясь и раскалываясь мгновенно.

Да и что там было предавать?

Для чего так дружить?

Постепенно потерял смысл дружбы.

Остались поцелуи, копейки остались.

Остались копейки.

От дружбы.

Не знал новостей.

Газет.

Театров не знал.

Никто не приглашал.

Да и не слышал, чтоб кто-то рассказывал.

Не знал преданности.

Грязную постель и не называл любовью.

Слово любовь — знал.

Никогда им не пользовался,

И не слышал от других.

Только по телевизору.

Понимал, что окружающие состоят из мужиков и баб. Живут вместе, чтоб хозяйство, дети.

Ругань всякая с ними.

Покупки.

Расходы.

Не знал и попроще.

Вкуса еды.

Не знал питья.

Лимонада.

Одежды.

Не знал интересной работы.

Самостоятельности.

Говорил: мне положено.

Как все, так и мы.

Он даже не знал, на что способен. Что думает по какому-то поводу.

Ну не знал.

Никто же не спрашивал.

Когда в молодости разок ляпнул — погорел. Сладкую ненависть, месть — не знал.

Враги там.

Когда они приезжали, вроде ничего люди.

Но ведь враги.

Замышляют.

Хотят отнять.

Хотят, чтоб стоял в очередях. Чтоб не знал ничего, кроме водки, бабы, болей в почках, очередей.

А он и не знал ничего, кроме этого.

Наши неудачи

Вы не имеете права мучить родных неудачами, неидущей работой, разваленной жизнью. Только радовать. Вы должны радовать их успехами, карьерой, блеском и уважением начальства.

И высоким заработком.

Неудачи делают вас невыносимым. Невыносимым делают вас неудачи. Прежде всех не понимают жена, дети, мать.

Вам смотрят в затылок.

Вам смотрят в затылок.

От этого ваши дела усугубляются. Ваши дела усугубляются, вы уже огорчаете всех.

Вы расстраиваете неповинных. Вы расстраиваете неповинных, а ваша голова...

Ваша голова, как любой другой орган, в такой обстановке отказывается работать.

От поисков идей, открытий у вас образуется пришибленный вид.

У вас образуется пришибленный вид, а попытки помочь по хозяйству лишь подчеркивают положение. У вас вырывают ведро.

У вас вырывают ведро и — «Твое место не здесь!»

А где ваше место? А где ваше место? И вы идете на улицу. Вы пытаетесь мужественно смотреть на прохожих. Но у вас срывается взгляд.

У вас срывается взгляд и перекошены брюки. Перекошены брюки, и старая знакомая давно уже вышла замуж — и ни в какое кино, и зачем ей это снова, зачем ей это снова? А старый товарищ, а школьный товарищ бежит. А школьный товарищ, а старый товарищ бежит каждый день, все увеличивая дистанцию от инфаркта, от родных, от новостей и прейскурантов. Он бежит. И говорить с ним... И говорить с ним можно только на бегу под дождем, когда он в трусах, а вы в плаще, и все увидят, как счастье и несчастье бегут рядом. Снова бегут рядом.

А тот... А тот один, кто буйным ветром занесен в Алматы, — тот сидит там и стесняется...

Тот сидит там и стесняется писать. Сюда оттуда. Стесняется. И когда вы не вдруг, а точно и буквально напились, обнаружив в себе, обнаружив слабость характера и неустойчивость позиции, развязка завитала и затряслась маманя. Маманя ночью под подушкой затряслась, рыдает

мама, зажимает рот... Страшнее нет. Жена и дети — все скрывают слезы. На вас без слез, на вас без слез вообще нельзя и незачем смотреть.

От вырезок о вреде водки вы напиваетесь страшнее, вернее, снова... и просите вас поддержать жену, чтоб выпить с вами... Жена. Она бледнеет. А вам надо. Вам надо с кем-то. И вот уже не дома, на скамейке в парке какой-то девушке в немых босоножках снизу ног вы повторяете рассказ с припевом: «Да, она меня не понимает» — и, сосчитав в кармане мелочь: «Я тебя озолочу!..»

И на вокзале в сопливой, гулкой, рваной тишине, меж телогреек и кирзой буфета, роняя капли, пишете в Алма-Ату.

И только когда быстро. И когда жутко быстро... И когда страшно быстро... Когда мгновенно вдруг пришел ответ...

Пришел ответ, где то же, только ярче. Глубже и занятней. Где их с беременной женой, ее ребенком, первым мужем и его женой хозяйка выгнала. Оне...

Оне живут у дворника и ездят на трамвае в кухню. А туалет в горах, и банятся в четверг. Восьмой четверг второго месяца нисана, и, вашу боль поняв, проникшись вашим горем, он просит вас прислать пятерку на расход и челюсть новую для сына, из пластмассы.

Вы чувствуете — вам немного лучше... Вам немного лучше... А вот и лучше быстро, быстро лучше... Ах, ибо.

Ах, ибо ваши неудачи кому-то кажутся мечтой. Домой идите быстро.

Старших и ведущих инженеров...

Старших и ведущих инженеров послали в колхоз перебирать кукурузу. Из кучи початков они выбирали несгнившие, очищали и перебрасывали через себя в направлении города. Перебирать вторую кучу прислали ученых. Они перебирали и перебрасывали через себя. Как только пошла гнить куча номер три, прислали врачей. Группа врачей перебирала и перебрасывала к городу через себя. Последнюю небольшую кучу у самого города перебирали учителя. Так была решена проблема транспортировки, хранения, а также осторожно и тактично намекнули: кончится кукуруза — кончится и интеллигенция.

Обед

Двое: Большой начальник и Младший научный сотрудник.

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Василий Алексеевич, вы пейте... И вот что, Василий Алексеевич, я хотел попросить. Вы занимаете такое положение...

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. Ты понимаешь. Я такой человек, и все. Вот такой я человек. *(Выпил.)* А ты вот такой человек.

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Да, Василий Алексеевич, я такой... Вы закусывайте. Вот, съешьте.

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. Закусываю, съедаю. Потому что такой я человек. Да. Такой я человек. А ты мне нравишься. Да. Ты мне нравишься. А что, я не прав? Скажи, я не прав?

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Правы!

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. А почему я должен не приходить, почему я должен не есть, не пить, если ты меня приглашаешь? Я должен не есть?

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Не должны.

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. Ты меня не знаешь. Нет, ты меня не знаешь. Я прав.

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Нет.

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. Я не прав?!!

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Правы!

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. Ты меня не знаешь.

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Вас все знают.

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. Никто меня не знает. Вот такой я человек. Запомни. Я знаю, почему ты меня пригласил. Но это неважно.

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Нет, важно. Я вас пригласил потому, что мне очень приятно. А если мне очень приятно, я делаю невзирая... *(Начинает.)* Василий Алексеевич...

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. Я не верю, что тебе это приятно. Но я знаю, что делаю. Я могу и выгнать.

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Конечно можете. Но мне очень приятно.

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. А я не верю, что тебе это приятно.

М л а д ш и й н а у ч н ы й с о т р у д н и к. Ну вот... очень приятно.

Б о л ь ш о й н а ч а л ь н и к. Я не верю, но я это делаю. Я

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru